

УДК 82.0

РЕЦЕПЦИЯ ОБРАЗОВ – ДЕРИВАТОВ АРХЕТИПА МИРОВОЙ ОСИ В РОМАНАХ М. МУРКОКА

Ю. С. КОСАРЕВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

На примере романов М. Муркока «Дочь похитительницы снов» и «Древо скрелингов» рассматриваются архетипические образы и мифологемы, производные от архетипа мировой оси. Исследуются степень воплощения этого архетипа в произведениях английского писателя и уровень авторской рецепции данного образа. На основе анализа взаимосвязи между группами изучаемых образов (архетип, архетипический образ, мифологема) вводится понятие «образ-дериват». Так, например, архетипические образы мирового древа и мировой горы, мифологема ясеня Игдрасиль или горы Олимп являются образами – дериватами архетипа мировой оси. За счет их ключевой роли в организации хронотопа и модели мира в мифологии эти образы отражаются в художественной литературе. В частности, в романах писателя-фантаста М. Муркока подобные образы-дериваты занимают центральное положение, что свидетельствует об их значимости и важности в авторском мироустройстве. Новизна статьи состоит в исследовании проявлений архетипических образов на материале романов М. Муркока «Дочь похитительницы снов» и «Древо скрелингов», поскольку данная проблема в научном пространстве не изучена.

Ключевые слова: архетип; архетипический образ; образ-дериват; мировое древо; мировая ось; М. Муркок; рецепция; фэнтези.

Образец цитирования:

Косарева ЮС. Рецепция образов – дериватов архетипа мировой оси в романах М. Муркока. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология.* 2023;3:5–12. EDN: YFVNRG

For citation:

Kosareva YuS. The reception of derivative images of the world axis archetype in the novels by M. Moorcock. *Journal of the Belarusian State University. Philology.* 2023;3:5–12. Russian. EDN: YFVNRG

Автор:

Юлия Сергеевна Косарева – аспирантка кафедры теоретического и славянского литературоведения филологического факультета. Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент С. В. Шамякина.

Author:

Yuliya S. Kosareva, postgraduate student at the department of theoretical and Slavic literary criticism, faculty of philology. yu.s.kosareva@gmail.com

РЭЦЭПЦЫЯ ВОБРАЗАЎ – ДЭРЫВАТАЎ АРХЕТЫПА СУСВЕТНАЙ ВОСІ Ў РАМАНАХ М. МУРКОКА

Ю. С. КОСАРАВА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

На прыкладзе раманаў М. Муркока «Дачка выкрадальніцы сноў» і «Дрэва скрэлінгаў» разглядаюцца архетыпічныя вобразы і міфалагема, вытворныя ад архетыпа сусветнай восі. Даследуюцца ступень увасаблення гэтага архетыпа ў творах англійскага пісьменніка і ўзровень аўтарскай рэцэпцыі дадзенага вобраза. На аснове аналізу ўзаемазвязі паміж групамі вывучаемых вобразаў (архетып, архетыпічны вобраз, міфалагема) уводзіцца паняцце «вобраз-дэрыват». Так, напрыклад, архетыпічныя вобразы сусветнага дрэва і сусветнай гары, міфалагема ясеня Ігдрасіль або гары Алімп з'яўляюцца вобразамі – дэрыватамі архетыпа сусветнай восі. За кошт іх ключавой ролі ў арганізацыі хранатопу і мадэлі свету ў міфалогіі гэтыя вобразы адлюстроўваюцца ў мастацкай літаратуры. У прыватнасці, у раманах пісьменніка-фантаста М. Муркока такія вобразы-дэрываты займаюць цэнтральнае становішча, што сведчыць аб іх значнасці і важнасці ў аўтарскай светабудове. Навізна артыкула заключаецца ў даследаванні праяў архетыпічных вобразаў на матэрыяле раманаў М. Муркока «Дачка выкрадальніцы сноў» і «Дрэва скрэлінгаў», паколькі дадзеная праблема ў навуковай прасторы не вывучана.

Ключавыя словы: архетып; архетыпічны вобраз; вобраз-дэрыват; сусветнае дрэва; сусветная вось; М. Муркок; рэцэпцыя; фэнтэзі.

THE RECEPTION OF DERIVATIVE IMAGES OF THE WORLD AXIS ARCHETYPE IN THE NOVELS BY M. MOORCOCK

Yu. S. KOSAREVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

On the example of novels «Daughter of the dream thief» and «The screling tree» by M. Moorcock, archetypal images and mythologemes derived from the archetype of the world axis are considered. The degree of embodiment of this archetype in the works of the English writer and the level of the author's reception are studied. Based on the analysis of the relationship between the groups of studied images (archetype, archetypal image, mythologeme), the concept of derivative image is introduced. So, for example, the archetypal images of the world tree and the world mountain, the mythologeme of the ash tree Yggdrasil or mount Olympus are images – derivatives of the prototype (archetype) of the world axis. Playing a key role in the organisation of the chronotope and the model of the world in mythology, they are also reflected in fiction. In particular, in the novels of science fiction writer M. Moorcock they occupy a central position, which indicates their significance and importance in the author's world order. The novelty of the article lies in the study of the manifestations of archetypal images on the material of novels «Daughter of the dream thief» and «The screling tree» by M. Moorcock, since this problem has not been studied in the scientific space.

Keywords: archetype; archetypal image; derivative image; world tree; world axis; M. Moorcock; reception; fantasy.

Введение

Архетип мировой оси является крупной смысловой моделью. В свое время этим вопросом занимались многие ученые. Значительную работу провел румынский религиовед М. Элиаде, который, опираясь на свои исследования в области шаманизма, рассмотрел мировую ось как связующую линию между тремя космическими зонами [1; 2]. Французский философ Р. Генон изучал осевую символику, а также значение образа центра мира в культуре, посвятив этому вопросу ряд трудов [3; 4]. Российские писатели С. Э. Ермаков и Д. А. Гаврилов, отталкиваясь от архетипа мировой оси, исследовали архетипические образы мирового древа и мировой горы, основываясь на мифологии, литературе, фольклоре и этнической символике разных народов [5].

Само понятие «архетип» тесно связано с психикой человека. Оно было введено известным психоаналитиком К. Г. Юнгом в рамках концепции коллективного бессознательного, которое выражается в сновидениях, мифах, а также в литературе [6]. Российский психолог В. В. Зеленский отмечает следующее: «Архетипы свидетельствуют о себе в сознании лишь посредством некоторых проявлений, а именно в качестве архетипических образов и идей»¹.

¹Зеленский В. В. Архетипы // Толковый слов. по аналит. психологии. СПб. : Б. и К., 2000. С. 42.

Наиболее часто в литературных произведениях мировая ось предстает как древо. Это объясняется тем, что данный архетипический образ является универсальным, поскольку согласно точке зрения В. Н. Топорова он описывает мифопоэтическую модель мира старого и нового света, а также отражается в изобразительном искусстве, архитектуре, ритуалах, социальных и экономических структурах, языке и возникает практически повсеместно и в самые разные эпохи [7, с. 324–325]. В свою очередь, архетипический образ может распадаться на мифологемы. Например, в литературе часто используется мифологема ясеня Иггдрасиль, что связано, возможно, с высокой степенью проработанности и сохранности дошедших до нас сведений о данном образе германо-скандинавской мифологии.

Необходимо отметить, что в мифологии архетип мировой оси наделен особой сакральностью, так как он связан с центром мира. Российский культуролог В. М. Пивоев указывает на то, что «освоенное пространство иерархически организовывалось концентрическими кругами вокруг центра мира, символизировавшегося камнем, столбом, а чаще всего мировым деревом, обозначающим мировую ось, которая связывала землю и небо» [8, с. 76]. Следовательно, мировую ось и производные от нее образы можно считать областью священного пространства, которое имеет высокое духовное значение.

Поскольку данные структуры субъективно понимаются писателями, в художественных произведениях они обретают разное описание и воплощение. Стоит упомянуть, что рецепция зависит от уровня знаний воспринимающего субъекта: чем значительнее пласт информации, тем больше возможность проанализировать объект с различных сторон. Данную идею подчеркивал и чешский исследователь В. Шмид, отмечая, что под восприятием понимается не только первое впечатление, но и процесс его обработки и осмысления [9, с. 125].

Наибольшее проявление архетипа мировой оси обнаруживается в литературе фэнтези. Известный российский филолог Е. М. Мелетинский полагал, что мифологизм становится инструментом повествовательного структурирования [10, с. 129]. Следовательно, мифологические образы и мотивы так или иначе оказываются воплощенными в художественном произведении. Конкретно в литературе фэнтези процесс переосмысления первоисточников авторами проявляется наиболее ярко, так как данный жанр в основном построен на использовании мифологической и сказочной образности. Кроме того, события в таких произведениях развиваются в вымышленном (вторичном) мире, для описания структуры которого авторы нередко применяют мифологическую модель мира. Российский ученый Д. А. Батулин отмечает следующее: «Моделирование миров и культур наиболее последовательно и зримо воплощается в фантастической литературе, особенно в научной фантастике и в фэнтези. В рамках этих двух жанров создаются наиболее полные культурно-мифологические модели мира, которые становятся убедительными благодаря апелляции к общекультурным мифологемам и архетипам, хранящимся в коллективной памяти (коллективном бессознательном) человека, и поэтому легко узнаваемы» [11, с. 123–124].

Особенности литературы фэнтези, в том числе мифопоэтичность подобных произведений, освещались в исследованиях основателя данного жанра профессора филологии Дж. Р. Р. Толкина [12], а также в работах И. Д. Винтерле [13], Е. Н. Ковтун [14], С. В. Шамякиной [15] и др.

Архетип мировой оси с его конкретными проявлениями (древо, гора и т. д.) имеет яркое выражение в мифологии и культуре разных народов. Таким образом, можно говорить о его значимости и для литературы.

Новизна настоящей статьи обусловлена введением понятия «образ-дериват» в качестве производного образа, а также анализом его проявлений в романах М. Муркока. Творчество этого английского писателя на данный момент недостаточно изучено, на что указывает американский ученый Д. Л. Эмерсон [16]. Наиболее объемное исследование провел М. Скроггинс, затронувший творческий путь М. Муркока и рассмотревший особенности воплощения в его романах идей космического равновесия, мультивселенной и вечного воителя [17]. Данным вопросам касались также К. Каплан [18], Дж. Гардинер [19], О. С. Намчик, В. Н. Смирнов [20] и др. Кроме того, ранее в научной сфере специфика проявления архетипа мировой оси в творчестве М. Муркока не рассматривалась.

Цель исследования – анализ степени воплощения архетипа мировой оси в произведениях М. Муркока и уровня авторской рецепции данного образа. Использовались сравнительный, мифопоэтический и психоаналитический методы исследования, а также проводился рецептивный анализ рассматриваемых произведений.

Результаты и их обсуждение

Для начала стоит дать определение понятию «образ-дериват». Так, распространенное в английском языке слово *derivative* переводится на русский язык лексемой *производный*. Отметим, что дериват (лат. *derivatus*) трактуется как нечто, производное от чего-либо первичного². Рассмотрим также два ярких

²Дериват // Новейший большой толковый слов. рус. яз. / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Рипол-классик, 2008. С. 253.

примера использования данной лексемы в науке: в языкознании дериват представляет собой производное слово, т. е. слово, образованное от какого-либо другого слова или словосочетания³, а в биохимии – вещество, которое происходит из другого вещества и является его производным (например, нитробензол – это дериват бензола)⁴. На основании сказанного предлагается использовать названное понятие в литературоведении. Под образами-дериватами понимаются те образы, которые являются производными от первообраза. В данном случае, например, архетипические образы мирового древа и мировой горы выступают образами – дериватами архетипа мировой оси.

Древо. Древо – одно из центральных воплощений архетипа мировой оси, присутствующее в скандинавской (Иггдрасиль), индийской (Ашваттха), славянской (Мировой дуб) и других мифологиях. Первое упоминание подобного образа в произведениях М. Муркока встречается в начале романа «Дочь похитительницы снов». Писатель сравнивает дом, в котором живет главный герой, с деревом: «Моему интересу немало способствовал дом – старинный замок, который многожды перестраивали, добавляли к нему флигели и подсобные помещения. Он возвышался над пастбищами и лесистыми холмами, будто могучее дерево, окруженный кипарисами, тополями и ливанскими кедрами, которые мои предки-крестоносцы привезли из Святой Земли» [21, с. 10]. Окружающие этот дом дубы М. Муркок характеризует как пристанище для душ ушедших родственников: «...и саксонскими дубами, в которых, как гласили легенды, обитали души моих еще более ранних предков, сливаясь воедино с родимой почвой» [21, с. 10]. Сам по себе образ дуба представляется священным у многих народов, что подчеркивает В. Е. Борейко: «Дуб является одним из самых любимых и почитаемых среди европейских народов деревом» [22, с. 7].

С образом древа у М. Муркока тесно связано понятие «мультивселенная», которое он переосмыслил для жанра научной фантастики в 1963 г. Согласно его идее мультивселенная предполагает совокупность возможных альтернативных вселенных или параллельных миров⁵. Писатель неоднократно высказывал эту мысль через персонажей своих романов: «Для меня мультивселенная – огромное дерево, растущее непрерывно, выпускающее новые корни, простирающее ветви во все стороны и направления; и каждый корень, каждая ветвь – отдельная реальность, отдельная история, рассказанная собственными словами» (Оуна) [21, с. 196]; «Мультивселенная – это дерево...» (Лобковиц) [23]; «Мультивселенная и дерево – одно и то же, они заключены друг в друге» (Лобковиц) [23].

В мифологии разных народов древо является основой мироздания, осью, вокруг которой «распускаются» миры. Кроме того, М. Муркок приравнивает ветви древа к своеобразным дорогам, ведущим в иные измерения, что еще больше сближает образ, воплощенный в романах, с образом космического древа: «Каждый изгиб лунного пути, ветви великого вечного древа ведет нас к новым знаниям, пониманию самих себя» [23]. Здесь важно отметить, что в шаманизме хождение в другие миры через мировую ось (древо, гору, столп и т. д.) является ключевым элементом идеологии. Данный мотив неоднократно используется в рассматриваемых произведениях. Так, в романе «Дочь похитительницы снов» главному герою Эльрику необходимо было пройти по лунным дорогам, чтобы освободиться от вредоносных чар и вернуться в свое тело. Для этого он погружается в мистический сон, и его путь начинается у древа: «Впереди возвышалось высоченное серебряное древо, корни которого охватывали ствол, а ветви терялись в необозримой вышине. Никогда в жизни я не видел ничего столь прекрасного, столь непостижимого... Да, я находился вне мироздания и глядел на ветвистое древо мультивселенной, ни на мгновение не прекращавшее расти и умирать. Ветви переплетались, образуя сложнейшие узоры, подобные фрагментам изысканнейшей на свете филиграни, и за их переплетением невозможно было уловить и воспринять общую картину. Я знал, что смотрю на бесконечную вереницу миров. <...> Я осторожно шагнул вперед и шел, пока не приблизился к древу настолько, что видел теперь только ближайшую ветку, по которой двигались какие-то фигурки, переходившие из мира в мир» [21, с. 314]. В романе «Древо скрелингов» героиня Оуна засыпает под ветвистым деревом в пещере и также во сне путешествует по древу: «Древо, под которым я спала, превратилось в мультивселенную, по которой я бродила» [23]. В конце книги писатель снова обращает внимание на то, что ветви древа представляют собой особые пути для путешествия в другие миры: «Ветви были не просто ветвями, а извилистыми серебристыми тропами, по которым ходили мужчины и женщины... Ветви изгибались под разными углами, выпуская все новые, а те образовывали матрицы внутри матриц, миллиарды реальностей, каждая из которых была вариантом моей собственной» [23].

В романе «Древо скрелингов», когда герои достигают своей цели (добираются до священного города), М. Муркок описывает священное древо, которое предстает перед ними, следующим образом: «Мы стояли

³Дериват // Большой академ. слов. рус. яз. : в 26 т. Т. 5. Деньга – Жюри / ред. Л. И. Балахонова. М. : Наука, 2006. С. 35.

⁴Дериват // Новейший большой толковый слов. рус. яз. ... С. 253.

⁵Multiverse [Electronic resource]. URL: <http://www.sf-encyclopedia.com/entry/multiverse> (date of access: 02.02.2023).

среди колышущихся ветвей у вершины гигантского дерева. Земля была так далеко внизу, что я не мог ее разглядеть. Только безбрежное море листвы. Я смотрел сквозь хитросплетение толстых ветвей, сучьев и листьев, дивясь сложности этого организма, растущего из одного-единственного огромного ствола. Уходя вдаль на много миль, массивные ветви несли на себе более мелкие, а те, в свою очередь, разветвлялись вновь» [23]. Затем писатель подчеркивает родство образов дерева и горы, соединяя их в конкретной точке: «Моему изумлению не было предела. Город заключал в себе гору, а в горе рос этот бескрайний дуб!» [23]. Один из героев поясняет, что название города, в котором растет дерево мультивселенной, означает «гора дерева». Необходимо отметить, что образы горы и дерева в мифологии разных народов часто являются взаимозаменяемыми [24, с. 422]. В произведении отражен еще один элемент, связанный с данным образом, – воды: «...молочно-белые и зеленые реки, испещренные пузырящимися лужицами. Я почувствовал сильный запах соли» [23]. Образ водного источника (ручьи, реки и т. д.) у дерева можно обнаружить в скандинавской, индийской и других мифологиях. Там же есть место и образу змея-дракона, покоящегося у корней: «Дракон, который защищает корни, но и грызет их. Эта легенда в том или ином виде существует почти во всех мифологиях вашего мира» [23]. Поскольку эпиграфы в книге повторяют стиль, свойственный исландской поэзии, а также содержат цитаты (прямые или косвенные) из текстов Старшей Эдды, в ней встречается прямая отсылка к дракону Нидхёгг из скандинавской мифологии: «Не ведают люди, какие невзгоды у ясеня Иггдрасиль: корни ест Нидхёгг» [25, с. 90]. И наконец, М. Муркок отразил важную черту данного образа – взаимосвязь с божественным началом: «Мной овладело радостное ликование, мне казалось, что я нахожусь рядом с самим Всевышним» [23].

Таким образом, в рассматриваемых романах М. Муркока дерево становится основой вторичного мира писателя. Это подчеркивается соединением образа дерева с идеей мультивселенной. Вводя в романы данный образ, который является космологическим для многих мифологий, М. Муркок стремится создать логичную и устойчивую систему. В то же время писатель заимствует из разных мифологий (для написания романа «Дерево скрелингов» автор черпал вдохновение из скандинавской мифологии, что следует из стиля отдельных элементов произведения) различные аспекты, связанные с этим образом (водные источники и дракон у дерева, связь дерева и горы и т. д.), и по большей части оставляет их неизменными.

Священный город. Священный город является еще одним образом – дериватом архетипа мировой оси. Ранее отмечалось, что дерево было заключено в гору, а гора находилась в городе. Необходимо подчеркнуть, что путь к нему для героев был сопряжен со многими трудностями. Н. С. Широкова полагает, что добраться до сакрального центра весьма проблематично: «Действительно, имеются описания сокровенных и труднодостижимых духовных центров, созданные в разных странах: это Агартха-Шамбала индуистской традиции, Салем ‘град мира’, а также таинственный город Луз иудаистской традиции» [26, с. 71]. О городе как о сакральном центре писал и известный ученый Р. Генон: «...центр изображается в виде города, крепости, храма или дворца» [3, с. 114]. Возвращаясь к роману «Дерево скрелингов», обратим внимание на описание золотого города, в котором находилось дерево мультивселенной: «В центре замерзшего озера, примерно в двух километрах от берега, вздымалась огромная блистающая пирамида... Эта чудовищная ступенчатая пирамида высотой с небоскреб являла собой целый город внутри единого строения» [23]; «Я видел пирамиду. Из чистого золота» [23]. Р. Генон отмечал, что символ горы или пирамиды соотносится с образом оси мира [3, с. 140]. Кроме того, он подчеркивал, что священные и духовные города связаны с образом центра мира: «...разнообразие символов, его (центр. – Ю. К.) олицетворявших, таких как гора, пещера, остров и еще многие другие, по большей части тесно» сопряжены «с символикой “полюса” или “оси мира”» [3, с. 114]. М. Муркок отсылает к тому, что сакральный город, который искали герои его романа, находится в своеобразном центре мира: «Он (город. – Ю. К.) стоит в центре озера, в точке, где край мира смыкается с Полярной звездой»; «Мультивселенная – это дерево, дерево растет в доме, дом стоит на острове в середине озера» [23].

Следовательно, образ священного города у М. Муркока является переосмыслением образа центра мира, известного в различных культурах. Он играет ключевую роль, поскольку представляет собой конечную и вместе с тем сакральную точку назначения героев, достигнув которой они смогут обрести желаемое.

Грааль. Образ Грааля, производный от архетипа мировой оси, также имеет важное значение в произведениях М. Муркока. В книге «Дочь похитительницы снов» Грааль изображается следующим образом: «Он находился в самом центре обсидианового круга – висел, не касаясь поверхности; это был обыкновенный на вид камень, мелко вибрировавший и издававший звуки... <...> И вдруг камень стал меняться на моих глазах. <...> На месте камня возникла огромная золотая чаша, украшенная самоцветными камнями, наполненная по кромку густым красным вином, которое переливалось через края... <...> Чаша стремительно уменьшалась, как бы съезжалась – пока наконец не преобразилась в золотой, отделанный драгоценными камнями посох... <...> На мгновение он превратился в маленького ребенка с прекрасным ангельским личиком, вновь стал самим собой, затем обернулся изящной золотой стрелой» [21, с. 213]. Во-первых, важное представление о Граале как о камне встречается в известном романе

В. фон Эшенбаха «Парцифаль»: «...вождеденнейший камень Грааль» [27, с. 136]; «Грааль – это камень особой породы: *lapsit ex illis*» [27, с. 232]. В книге М. Бейджента, Р. Лея и Г. Линкольна «Святая кровь и святой Грааль» (обладающей скандальной репутацией, однако являющейся достойной внимания в качестве источника информации) дается следующий комментарий: «...Грааль стал камнем, и его интерпретации имели очень много более или менее достоверных толкований слов “*lapsit ex illis*”. Действительно, в нем можно увидеть “*lapris ex caelis*” (‘камень, пришедший с небес’), “*lapsit ex cadis*” (‘упавший с небес’), “*lapris lapris ex caelus*” (‘камень, упавший с небес’), и, наконец, “*lapris elixir*”, знаменитый и сказочный философский камень алхимиков» [28, с. 299]. Р. Генон также утверждал, что «Грааль был... выточен из камня, который... упал с неба» [3, с. 201].

Во-вторых, писатель отразил в Граале образ ребенка. М. Бейджент, Р. Лей и Г. Линкольн отмечали, что, когда Гавейн увидел Грааль, ему показалось, будто в сердцевине Грааля просматривается фигура ребенка [28, с. 293]. В-третьих, существует мнение о том, что Грааль – это чаша с кровью Иисуса Христа⁶. Образ чаши М. Муркок использовал и в романе «Дочь похитительницы снов» («Грааль – магическая чаша, которая возвращает жизнь» [21, с. 385]), и в книге «Древо скрелингов» («Грейдейл – так называлась ритуальная чаша» [23]). Наконец, образ стрелы, отраженный в романах М. Муркока, может быть соотнесен с сакральным образом копья, который, в свою очередь, представляет собой проявление архетипа мировой оси. Это подтверждается и словами Р. Генона о том, что «копье, расположенное вертикально, есть одно из изображений “оси мира”, отождествляемой с “небесным лучом”... и можно напомнить в этой связи частые уподобления солнечного луча оружию, например копью или стреле» [3, с. 99–100]. В рассматриваемых романах Грааль помещается писателем в сердце мира, которое эквивалентно мировой оси: «Серые жилы – суть мультивселенной... та самая субстанция, из которой произошло все остальное, плоть и кровь мироздания. Там, откуда они растут, изначально пребывал священный Грааль» [21, с. 196]; «Он (Грааль. – Ю. К.) был точкой опоры самого равновесия» [23].

Таким образом, писатель заимствует из культуры и мифологии образ Грааля, наделяя его известными чертами и характеристиками. Как и образы древа и священного города, связанные с архетипом мировой оси, образ Грааля несет значительную смысловую нагрузку. В романах он становится образом власти, божественной силы, которая в руках деструктивных героев способна перевернуть мир, разрушить его до основания. М. Муркок, вводя его в произведения, стремится затронуть этические вопросы в диалоге с читателем.

Меч. Особое место в романах М. Муркока отводится и образу Черного меча (Равенбранд и Буреносец), который является важным атрибутом главных героев (Ульрика и Эльрика) и соотносится писателем с космическим равновесием. Мечи называются братьями: «Это был Равенбранд, брат моего Буреносца» [23]; «Равенбранд был семейным достоянием, но я почти не знал его историю, только то, что он каким-то образом является тем же мечом, что и Буреносец Эльрика. В моем мире он обладал сверхъестественными качествами, однако в его собственном мире, как мне было известно, могущество Равенбранда бесконечно возрастало» [23]. Оба предмета, хранителями которых являлись Ульрик и Эльрик, представлялись им обузой: «Я лишился дьявольского клинка Буреносца, который был для меня тяжким бременем и в котором я так нуждался» [23]. Мечи обладали особой аурой, способствующей развитию безумия или помешательства: «Некоторые мои предки впадали в безумие... и использовали меч в ситуациях, о которых мы предпочли бы забыть» [21, с. 12]. Это обусловлено тем, что клинки постоянно требовали крови и насыщали своих хозяев энергией поверженных душ. Поскольку в романах меч является и отражением страданий, и образом мировой оси (связан с космическим равновесием), он соотносится и с образом креста: «М. (меч. – Ю. К.) в мифологиях наделяется специфически амбивалентной семантикой, сводимой к основному противопоставлению *жизнь – смерть*. <...> Подобная амбивалентность мифологически интерпретируется сближением М. (с лезвием и рукоятью, разделенными эфесом) с одним из наиболее емких символов – *крестом*»⁷. Последний выступает «...универсальным символом единства жизни и смерти, засвидетельствованным в самых разных мифопоэтических и религиозных системах», крест «...соотнесен и с образом мучения и смерти. И прежде всего он сам ее орудие, инструмент пыток, страстей, мук и ужаса»⁸.

В конце книги «Древо скрелингов» Черный меч был помещен в сердце древа для восстановления равновесия: «Потом я повернул меч, нацелил его на верхушку дерева и вонзил туда, все глубже проникая в душу всех времен, в сердце всех пространств, в толщу древа скрелингов. Погружаясь внутрь, меч не расщеплял, а скорее раздвигал его плоть... <...> Внутри раскидистого дуба виднелся черный клинок,

⁶Грааль // Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. Т. 1. А – К (Корейская мифология) / гл. ред. С. А. Токарев. М. : Совет. энцикл., 1987. С. 317.

⁷Меч // Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. Т. 2. К (Корибанты) – Я / гл. ред. С. А. Токарев. М. : Совет. энцикл., 1988. С. 149.

⁸Крест // Там же. С. 12–13.

его гарда вытягивалась среди ветвей, а кончик рукояти мерцал, будто звезда. Черный меч полностью слился с деревом, став неотъемлемой частью его организма. <...> Мы стояли, глядя на дерево скрелингов, на огромный черный стержень равновесия» [23]. Согласно историям героев ранее меч находился внутри дерева: «Мы растим дерево мультивселенной, мы храним меч, который живет в сердце этого дерева, и служим равновесию, которое опирается на это дерево» [23]. Р. Генон также соотносил образ меча с архетипом мировой оси: «...копье, сказали мы, является также символом “небесного луча”. <...> Но это равным образом объясняет и то, что копье так же, как меч и стрела, в конечном счете являющиеся его эквивалентами, иногда отождествляется с солнечным лучом» [3, с. 204–205].

Таким образом, образ меча тесно связан с архетипом мировой оси, поскольку в рассматриваемых романах он выступает как символ равновесия и соотносится с его проявлениями – образами креста и дерева. М. Муркок наделяет ключевых персонажей (Эльрика и Ульрика) данным атрибутом, желая подчеркнуть их уникальность и избранность. Здесь проводится параллель с христианским мифом: и крест для Иисуса, и меч для героев романов являются одновременно и наказанием, и избавлением.

Заключение

Архетип мировой оси выступает крупной смысловой моделью и в художественных произведениях отражается посредством образов-дериватов, производных от первообраза (в данном случае, например, архетипический образ мирового дерева – дериват архетипа мировой оси). Так, рассмотренные образы-дериваты играют основополагающую роль в созданной М. Муркоком реальности. Заимствуя элементы из культурной, в том числе мифологической, среды, писатель гармонично вплетает эти образы в ткань произведения, наделяет их особыми чертами. В частности, дерево символизирует основу, структуру, которая «держит» миры. В романе «Дерево скрелингов» оно располагается в священном городе, соединенном с центром мира. В центре мира пребывает и Грааль, который представляет собой предмет сверхъестественной силы. Схожим свойством наделен выступающий символом равновесия меч, который помещается в сердце дерева. Все четыре образа оказываются переплетены и взаимосвязаны, т. е. они коррелируют друг с другом. Следовательно, переосмысляя образы – дериваты архетипа мировой оси и их элементы, М. Муркок выстраивает гармоничную базисную структуру вторичного мира.

Библиографические ссылки

1. Элиаде М. *Космос и история*. Васильева АА, Рокитянский ВР, Борисова ЕГ, переводчики; Григулевич ИР, Гаспаров МЛ, редакторы. Москва: Прогресс; 1987. 311 с.
2. Элиаде М. *Священное и мирское*. Гарбовский НК, переводчик. Москва: Издательство Московского университета; 1994. 144 с.
3. Генон Р. *Символы священной науки*. Тирос Н, переводчик. Москва: Беловодье; 1997. 494 с.
4. Генон Р. *Символика креста*. Фадеева ТН, Стефанов ЮН, переводчики. Москва: Прогресс-традиция; 2004. 703 с.
5. Ермаков СЭ, Гаврилов ДА. *Опора мироздания: мировое дерево и скала времен в традиционной культуре*. Москва: Ганга; 2009. 282 с.
6. Юнг КГ. *Архетип и символ*. Руткевич АМ, составитель. Москва: Канон+; 2021. 335 с.
7. Топоров ВН. *Мировое дерево: универсальные знаковые комплексы. Том 2*. Москва: Рукописные памятники Древней Руси; 2010. 496 с.
8. Пивоев ВМ. *Мифологическое сознание как способ освоения мира*. Петрозаводск: Карелия; 1991. 109 с.
9. Шмид В. *Нарратология*. Москва: Языки славянской культуры; 2003. 311 с.
10. Мелетинский ЕМ. *От мифа к литературе*. Москва: Российский государственный гуманитарный университет; 2000. 167 с.
11. Батурин ДА. Неомифологическая сущность фэнтези. *Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств*. 2013;3:123–126.
12. Толкин ДжРР. *Чудовища и критики*. Гаврикова О, Артамонова М, Лихачева С, Иосад П, переводчики. Москва: Хранитель; 2008. 413 с.
13. Винтерле ИД. Миф как основа литературы фэнтези. *Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского*. 2012;1(2):37–39.
14. Ковтун ЕН. *Поэтика необычайного: художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа (на материале европейской литературы первой половины XX века)*. Москва: Издательство Московского университета; 1999. 306 с.
15. Шамякина СВ. *Verbo tenus (у прасторы слова)*. Минск: Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы; 2003. 145 с.
16. Emerson DL. «Michael Moorcock: fiction, fantasy and the world's pain» by Mark Scroggins, «The law of chaos: the multiverse of Michael Moorcock» by Jeff Gardiner. *Mythlore*. 2020;39(1):212–215.
17. Scroggins M. *Michael Moorcock: fiction, fantasy and the world's pain*. Jefferson: McFarland&Company; 2016. 212 p.
18. Kaplan C. Fractal fantasies of transformation: William Blake, Michael Moorcock, and the utilities of mythographic shamanism. In: Hassler DM, editor. *New boundaries in political science fiction*. Columbia: University of South Carolina Press; 2008. p. 35–52.
19. Gardiner J. *The law of chaos: the multiverse of Michael Moorcock*. Manchester: Headpress; 2015. 174 p.
20. Наумчик ОС, Смирнов ВН. Концепция мультивселенной в литературе фэнтези: от М. Муркока до А. Сапковского. *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. 2020;42(3):43–51. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.463.
21. Муркок М. *Дочь похитительницы снов*. Башкирцев А, переводчик. Москва: Эксмо-пресс; 2002. 480 с.

22. Борейко ВЕ. *Лесной фольклор: древа жизни и священные рощи*. Киев: Логос; 2003. 216 с.
23. Муркок М. *Древо скрелингов* [Интернет]. 2019 [процитировано 2 февраля 2023 г.]. Доступно по: <https://avidreaders.ru/read-book/drevo-skrelingov.html>.
24. Криничная НА. *Русская мифология: мир образов фольклора*. Москва: Академический проект; 2004. 1005 с.
25. Корсун А, переводчик. *Старшая Эдда*. Санкт-Петербург: Азбука; 2011. 461 с.
26. Широкова НС. *Культура кельтов и нордическая культура античности*. Санкт-Петербург: Евразия; 2000. 349 с.
27. фон Эшенбах В. *Парцифаль*. Гинзбург ЛВ, переводчик. Москва: Русский путь; 2004. 349 с.
28. Бейджент М, Лей Р, Линкольн Г. *Святая кровь и святой Грааль*. Скобей В, переводчик. Москва: Крон-пресс; 1997. 478 с.

References

1. Eliade M. *Kosmos i istoriya* [Cosmos and history]. Vasil'eva AA, Rokityanskii VR, Borisova EG, translators; Grigulevich IR, Gasparov ML, editors. Moscow: Progress; 1987. 311 p. Russian.
2. Eliade M. *Svyashchennoe i mirskoe* [The sacred and the profane]. Garbovskii NK, translator. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta; 1994. 144 p. Russian.
3. Guenon R. *Simvolyy svyashhennoi nauki* [Symbols of sacred science]. Tiros N, translator. Moscow: Belovod'e; 1997. 494 p. Russian.
4. Guenon R. *Simvolika kresta* [The symbolism of the cross]. Fadeeva TN, Stefanov YuN, translators. Moscow: Progress-traditsiya; 2004. 703 p. Russian.
5. Ermakov SE, Gavrilov DA. *Opora mirozdaniya: mirovoe drevo i skala vremen v traditsionnoi kul'ture* [The pillar of the universe: the world tree and the rock of times in traditional culture]. Moscow: Ganga; 2009. 282 p. Russian.
6. Jung CG. *Arkhetip i simvol* [Archetype and symbol]. Rutkevich AM, compiler. Moscow: Kanon+; 2021. 335 p. Russian.
7. Toporov VN. *Mirovoe derevo: universal'nye znakovye komplekсы. Tom 2* [The world tree: universal sign complexes. Volume 2]. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi; 2010. 496 p. Russian.
8. Pivoev VM. *Mifologicheskoe soznanie kak sposob osvoeniya mira* [Mythological consciousness as a way of mastering the world]. Petrozavodsk: Kareliya; 1991. 109 p. Russian.
9. Schmid V. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow: Languages of Slavic Cultures; 2003. 311 p. Russian.
10. Meletinskii EM. *Ot mifa k literature* [From myth to literature]. Moscow: Russian State University for the Humanities; 2000. 167 p. Russian.
11. Baturin DA. [The neo-mythological essence of fantasy]. *Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*. 2013; 3:123–126. Russian.
12. Tolkien JRR. *Chudovishcha i kritiki* [The monsters and the critics]. Gavrikova O, Artamonova M, Likhacheva S, Iosad P, translators. Moscow: Khranitel'; 2008. 413 p. Russian.
13. Vinterle ID. [Myth as the basis of fantasy literature]. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2012;1(2):37–39. Russian.
14. Kovtun EN. *Poetika neobychainogo: khudozhestvennye miry fantastiki, volshebnoi skazki, utopii, pritchi i mifa (na materiale evropeiskoi literatury pervoi poloviny XX veka)* [Poetics of the extraordinary: the artistic worlds of fantasy, fairy tale, utopia, parable and myth (on the material of European literature of the first half of the 20th century)]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta; 1999. 306 p. Russian.
15. Shamyakina SV. *Verbo tenus (u prastory slova)* [Verbo tenus (in the space of words)]. Minsk: National Institute for Higher Education; 2003. 145 p. Belarusian.
16. Emerson DL. «Michael Moorcock: fiction, fantasy and the world's pain» by Mark Scroggins, «The law of chaos: the multiverse of Michael Moorcock» by Jeff Gardiner. *Mythlore*. 2020;39(1):212–215.
17. Scroggins M. *Michael Moorcock: fiction, fantasy and the world's pain*. Jefferson: McFarland&Company; 2016. 212 p.
18. Kaplan C. Fractal fantasies of transformation: William Blake, Michael Moorcock, and the utilities of mythographic shamanism. In: Hassler DM, editor. *New boundaries in political science fiction*. Columbia: University of South Carolina Press; 2008. p. 35–52.
19. Gardiner J. *The law of chaos: the multiverse of Michael Moorcock*. Manchester: Headpress; 2015. 174 p.
20. Naumchik OS, Smirnov VN. Concept of the multiverse in fantasy literature: from M. Moorcock to A. Sapkowski. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020;42(3):43–51. Russian. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.463.
21. Moorcock M. *Doch' pokhittel'nitsy snov* [Daughter of the dream thief]. Bashkirtsev A, translator. Moscow: Eksmo-press; 2002. 480 p. Russian.
22. Boreiko VE. *Lesnoi fol'klor: dreva zhizni i svyashchennyye roshchi* [Forest folklore: trees of life and sacred groves]. Kiev: Logos; 2003. 216 p. Russian.
23. Moorcock M. *The screling tree* [Internet]. 2019 [cited 2021 February 2]. Available from: <https://avidreaders.ru/read-book/drevo-skrelingov.html>. Russian.
24. Krinichnaya NA. *Russkaya mifologiya: mir obrazov fol'klora* [Russian mythology: a world of folklore images]. Moscow: Akademicheskii proekt; 2004. 1005 p. Russian.
25. Korsun A, translator. *Starshaya Edda* [The Elder Edda]. Saint Petersburg: Azbuka; 2011. 461 p. Russian.
26. Shirokova NS. *Kul'tura kel'tov i nordicheskaya kul'tura antichnosti* [Celtic and Nordic culture of antiquity]. Saint Petersburg: Evraziya; 2000. 349 p. Russian.
27. fon Eshenbach W. *Partsiyal'* [Parzival]. Ginzburg LV, translator. Moscow: Russkii put'; 2004. 349 p. Russian.
28. Baigent M, Leigh R, Lincoln H. *Svyataya krov' i svyatoi Graal'* [The holy blood and the holy Grail]. Skobei V, translator. Moscow: Kron-press; 1997. 478 p. Russian.

Статья поступила в редакцию 04.08.2023.
Received by editorial board 04.08.2023.